

Е. С. Карпина

*старший преподаватель кафедры мировой литературы
Горловский институт иностранных языков
ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»
г. Бахмут, Донецкая область, Украина*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОСОФИИ ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЁВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕНТАЛОГИИ «ХРОНИКА ЧЕТЫРЁХ ПОКОЛЕНИЙ»)

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению концептуальных источников и основных положений художественной историософии В.С. Соловьёва. Автор приходит к выводу о том, что становление историософской концепции романиста происходило под влиянием взглядов С.М. Соловьёва, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, К.Н. Леонтьева, Т. Карлейля, В. Скотта, Л.Н. Толстого, Г.С. Сковороды, а также представителей восточной философии. Подчёркивается связь убеждений беллетриста с русской историософской традицией. Выясняется его отношение к таким историософским проблемам, как эволюция и революция как противоположные друг другу пути развития общества, реформы как возможная альтернатива революции, роль личности и народа в истории, Запад и Восток как ориентиры исторического развития Российской империи, счастье, дуализм мира и человека.*

***Ключевые слова:** художественная историософия, пенталогия, семейная хроника, жанр, исторический роман, концептуальный источник.*

По наблюдению С.М. Калашниковой, «ни один крупный писатель XIX в. не обошел вниманием сферу вопросов, связанных с историософской проблематикой» [2, с. 7]. Не стал исключением и В.С. Соловьёв. Исторические катаклизмы стали предметом его философского осмысления и нашли выражение в оригинальной историософской концепции, воплотившейся в жанровой форме романа – семейной хроники.

Обращение писателя к этому жанру неслучайно. По нашему убеждению, семейная хроника стала именно тем жанром, который наилучшим образом способствовал воплощению грандиозного творческого замысла романиста.

Жанровый выбор прозаика можно объяснить ещё одной не менее важной причиной. Воссоздавая жизнь четырёх поколений рода Горбатовых, Всеволод Соловьёв философски осмыслял последовательно сменяющие друг друга события нескольких исторических эпох, знаковых для Российской империи. Избранная романистом жанровая форма не только лучше всего подошла для выражения его историософских взглядов, но и дала возможность изложить их системно за счёт охвата значительного промежутка времени.

К вышесказанному добавим, что В. Соловьёв был сторонником линейного, т. е. унитарно-стадиального подхода к интерпретации всемирной истории. Выбор в пользу семейной хроники говорит о том, что идею линейной направленности исторического процесса романисту помогло выразить не только содержание пенталогии, но и её форма.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы путём определения трудов предшественников, на которые опирался В. Соловьёв, выявить источники его историософской концепции, воплощённой в пенталогии «Хроника четырёх поколений», а также сформулировать её основные положения.

Несомненно, наибольшим авторитетом для В. Соловьёва был его отец С.М. Соловьёв, автор двадцатидевяти томной «Истории России с древнейших времён». В своих многочисленных исторических романах писатель достаточно успешно популяризировал его идеи. В то же время он представил в них и собственное, художественное, видение истории, ставя при этом художественную правду несравненно выше правды факта.

Попытаемся выяснить отношение Всеволода Соловьёва к революции и эволюции как её альтернативе. Как известно, С.М. Соловьёв писал о двух взаимоисключающих тенденциях в развитии общества – эволюционной, т. е. положительной, созидательной и революционной, т. е. отрицательной,

разрушительной. Причину усиления революционного направления историк усматривал в потере правительством нравственного авторитета у народа и предупреждал о том, что рано или поздно оно может привести страну к гибели. Подобно отцу, В.С. Соловьёв являлся убеждённым приверженцем эволюционного пути развития общества, однако Соловьёв-старший был не единственным, кто повлиял на историософские взгляды писателя в этом вопросе.

Не мог не оказать воздействия на Всеволода Соловьёва основоположник современного исторического романа Вальтер Скотт, с творчеством которого писатель был прекрасно знаком с детства. Восстания и революции, ограничивающие законную власть и разрушающие государственное единство, Скотт рассматривал как однозначно враждебные обществу явления. Очевидно, что данное положение историософии шотландского писателя нашло отражение в обрисовке образа главного героя его исторических романов.

Взгляды Всеволода Соловьёва на Великую французскую революцию были близки её восприятию русскими либералами: «Вначале упоение французскими просветителями – Руссо, Вольтером, Дидро, Монтескье, затем восторг по поводу падения Бастилии и слома абсолютизма, а далее изумление и негодование по поводу дальнейшего развития революции, ее якобинской ипостаси» [6, с. 101]. Примечательно, что первым русским интеллигентом-либералом, убедившимся в ужасах народной революции, был, по мысли профессора А.Н. Сахарова, Н.М. Карамзин, автор капитального труда по русской истории – двенадцатитомной «Истории государства Российского», глубоко уважаемый семейством Соловьёвых. Не вызывает ни малейшего сомнения тот факт, что позиция авторитетного историографа была хорошо известна романисту и повлияла на его историософские убеждения.

Можно предположить, что во время написания романа «Сергей Горбатов» В. Соловьёв опирался на широко известную работу британского историка и философа Томаса Карлейля «Французская революция. История».

Вполне естественно, что оценка В. Соловьёвым восстания декабристов была однозначно отрицательной. В этом достаточно важном вопросе вновь прослеживается воздействие отца, точку зрения которого разделял романист. Будучи умеренным либералом, С.М. Соловьёв «видел в движении декабристов “младенческий лепет” общеевропейского движения в пользу народностей» [10, с. 197].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о воззрениях В.С. Соловьёва на роль личности в истории. Романист был сторонником т. н. «государственной» школы в русской историографии, которая в интерпретации исторических событий исходила главным образом из «первенствующего влияния государственного начала». Основатели этой школы – Н.М. Карамзин и С.М. Соловьёв – считали, что «судьбы страны вершили в первую очередь великие князья, цари и царицы, известные полководцы, церковные иерархи, видные сановники» [5, с. 11], т. е. ведущую роль в историческом процессе отводили незаурядным личностям. Подобная мысль является краеугольным камнем книги Т. Карлейля «Герои, почтение героев и героическое в истории». По убеждению британского учёного, разработавшего концепцию «культы героев», мировая история представляет собой совокупность биографий великих людей. Ключевой тезис данной работы свидетельствует о преемственности историософской традиции и позволяет нам рассматривать её в качестве одного из концептуальных источников пенталогии. Всеволод Соловьёв разделял взгляды предшественников, именно поэтому основное внимание в его романах уделено выдающимся историческим деятелям.

Художественное решение писателем такой историософской проблемы, как роль личности в истории, связано, в первую очередь, с воссозданием образа императрицы Екатерины II. Очевидно, что с образом государыни В. Соловьёв связывает мысль о том, что время не властно над воистину великим человеком. В представлении романиста российская монархия – это «великая женщина со своим законным, неотъемлемым правом на бессмертие» [8, с. 310]. Закончилось время её земного существования, но величие русской императрицы, оставившей неповторимый след в европейской истории, временных границ не имеет.

Эта мысль находит подтверждение в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского: «Царствование Екатерины II – это целая эпоха нашей истории, а исторические эпохи обыкновенно не замыкаются в пределы людского века, не кончаются с жизнью своих творцов. И время Екатерины II пережило её самое» [3, с. 282].

Выше обозначенная проблема актуализируется также в связи с образом императора Павла Петровича, однако в данном случае романист рассматривает её под иным углом зрения. Примерно за год до начала работы над романом «Сергей Горбатов» писатель детально изучил ведущие историче-

ские труды, касающиеся жизненного пути русского монарха, ставшего впоследствии одним из главных героев первых двух частей пенталогии. Изученные В.С. Соловьёвым документы помогли ему составить собственное представление о противоречивой личности Павла I и его деятельности. Оно коренным образом отличалось от взглядов, которые излагались в трудах известнейших историографов XIX в. Как нам удалось установить, характеристика, данная Павлу Петровичу романистом, который наделяет его прекрасными человеческими качествами, идёт вразрез с оценкой этой исторической фигуры Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьёвым и В.О. Ключевским.

В. Соловьёв пытается донести до читателя мысль о том, что Павлу I не суждено было сыграть видной роли в истории Российской империи не в силу его самодурства и скверности характера, как считали историки, а единственно потому, что его высокие и благородные помыслы совершенно не соответствовали крайне ограниченным мировоззренческим установкам окружающих его людей. Именно в тотальном непонимании Павла Петровича со стороны приближённых и обывателей, отсутствии поддержки и, следовательно, абсолютном одиночестве и кроется главная причина его поражения как правителя.

Ещё одна достаточно важная историософская проблема – человек как «жертва» истории – связана в пенталогии с образом великой княжны Александры. Романист показывает неспособность отдельной личности противостоять законам и порядкам эпохи и изменить вековые устои, т. е. беспомощность человека перед силой исторических обстоятельств. Перемена религии Александры Павловны, т. е. переход в лютеранство, не представлялась допустимой ни при каких обстоятельствах. Именно вопрос о вероисповедании будущей шведской королевы, которой ей не суждено было стать, явился камнем преткновения для достижения счастья.

Не менее важным аспектом изучения историософской концепции Всеволода Соловьёва является вопрос, касающийся его воззрений на роль народа в истории. В известном труде по мировой истории «Наблюдения над исторической жизнью народов» С.М. Соловьёв выразил своё убеждение в том, что «для истории нет возможности иметь дело с народными массами, она имеет дело только с представителями народа, в какой бы форме ни выражалось это представительство; даже и тогда, когда народные массы приходят в движение, и тогда на первом плане являются вожди, направители этого движения, с которыми история преимущественно и должна иметь дело» [9, с. 12]. Этот тезис в очередной раз говорит о том, что главенствующую роль в истории учёный отводил личности, а не народу. Подобных взглядов относительно основной движущей силы исторического процесса придерживался и сын-писатель. В его представлении, народ – это неразумное стадо, серая масса, безликая толпа.

Детального рассмотрения требует также вопрос об отношении В. Соловьёва к реформам. Несомненно, данное положение историософской концепции писателя сформировано под влиянием убеждений историографов «государственной» школы. Так, один из наиболее ярких её представителей – С.М. Соловьёв – «настойчиво выступал за прогресс, за преобразования в духе реформ 60–70-х гг., реформ, которые бы твердо и последовательно, как ему искренне казалось, ради общего блага, проводились сильной властью монарха. Преобразования, реформы предупредили бы нежелательные революционные потрясения» [1, с. 22]. В. Соловьёв также считал постепенные преобразования, инициируемые правителями, разумной альтернативой революциям.

Красной нитью в «Хронике...» проходит крестьянский вопрос: в центре внимания писателя находится одна из наиболее значимых реформ в истории Российской империи – отмена крепостного права в 1861 г. В первых четырёх романах цикла воссоздана дореформенная Россия – «страна рабов, страна господ», в последнем – пореформенная эпоха. В каждом поколении рода дворян Горбатовых «неизменно находился горячий поборник освобождения крестьян» [6, с. 104]. В то же время в числе представителей горбатовского рода были и ярые крепостники. Мы разделяем точку зрения А.Н. Сахарова, полагавшего, что эти две противоборствующие линии «как бы отражали общее противостояние в тогдашней России либерального и консервативного подходов к крестьянской реформе» [6, с. 104]. В многовекторном раскрытии проблемы отношений дворян и крепостных заключается, на наш взгляд, новаторство В.С. Соловьёва, разглядевшего, в отличие от многих литераторов-предшественников (А.Н. Радищева, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова и др.), и положительные моменты непростого периода российской истории.

Оценки романистом крестьянской реформы Александра II достаточно противоречивы. В целом же, можно сказать, что новые веяния были восприняты романистом позитивно, подтверждением чему служит идея взаимовыгодного сотрудничества дворянства и вышедшего из крепостной зависимости крестьянства, обозначенная в заключительной главе пенталогии.

В поле зрения русских писателей нередко попадает такая важная проблема, как самоидентификация России в системе историософских координат Запад – Восток как цивилизационно-культурных ориентиров. Наличествует она и в «Хронике четырёх поколений». В идейном мире пенталогии Россия противопоставлена как Западу (Европе), так и Востоку (Азии), а значит, романистом актуализируются обе грани указанной проблемы. Интерес писателя к этой проблеме, столь очевидный в «Хронике...», обусловлен его историософскими взглядами.

В первую очередь отметим, что в споре западников и славянофилов В.С. Соловьёв, в отличие от отца-историка, особую роль в историческом развитии России отводившего Петру I, разделял точку зрения последних. Значительное влияние в этом вопросе на прозаика оказал известный русский философ и писатель К.Н. Леонтьев, с которым он длительное время состоял в переписке.

В одном из писем, датированном 1 марта 1879 г., Леонтьев писал: «Православие – это нервная система нашего Славянского организма, и как хранить и лелеять художественную красоту и государственную силу этого организма, если мы нашим либеральным, *общевропейским* отчуждением будем ослаблять постепенно эту *нервную жизнь*, эти органически духовные *токи*?» [4, с. 52]. О том, что Соловьёв разделял убеждения философа, красноречиво свидетельствуют слова последнего: «Вы ведь не принадлежите к тому стаду, которое, приняв в себя бесов, кинулось очертя голову в море прогресса...» [4, с. 53]. Под «бесами» Леонтьев подразумевает ориентацию на европейский путь развития, неприемлемый, с его точки зрения, для России и других государств, населённых славянскими народами.

Касательно второй стороны проблемы следует сказать, что В.С. Соловьёв усердно изучал философию индуизма, а также проявлял немалый интерес к буддизму. Увлечение писателя восточными учениями отразилось в некоторых его стихотворениях, а также в «Хронике четырёх поколений». Так, в плену чарующей мистики Востока пребывает Борис Сергеевич, долгие годы проживший в Азии и имевший возможность многому научиться у почитателей восточной философии. Желанием постичь её тайны проникается и Николай Владимирович, по совету дяди отправляющийся в Индию в надежде вернуть душевное равновесие после семейной драмы, разразившейся в доме Горбатовых.

Широко известен тот факт, что мать В. Соловьёва происходила из старинной украинской семьи, к одной ветви которой принадлежал выдающийся украинский философ и педагог Г.С. Сковорода, приходившийся П.В. Романовой двоюродным дедом. Романист, прекрасно знавший свою родословную и интересовавшийся судьбой предков, по всей вероятности, был знаком с творческим наследием гениального мыслителя и основными положениями его философской концепции.

В частности, в философском диалоге «Разговор пяти путников об истинном счастье в жизни (Разговор дружеский о душевном мире)» содержится поразительная по своей глубине мысль, представляющая собой одну грань размышлений философа над вечной проблемой человечества: «<...> не легче ли <...> питаться одним зельем суровым и притом иметь мир и утешение в сердце, нежели над изобильным столом сидеть гробом повапленным, исполненным червей неусыпных, душу день и ночь без покоя угрызающих? Не лучше ли покрыть телишко самую нищью одеждою и притом иметь сердце, в ризу спасения и одеждою веселья одетое, нежели носить златотканое платье и между тем таскать геенный огонь в душевном недре, печальми бесовских манеров сердце опаляющий?» [7, с. 345–346].

Мы полагаем, что именно к этому высказыванию Г.С. Сковороды восходит понимание проблемы счастья, часто затрагиваемой в историософских текстах его правнучатым племянником. В пенталогии выше представленная антитеза актуализируется в связи с образами Бориса и Владимира Горбатовых – представителей второго поколения рода. Особенно же интересны в контексте данной проблемы их отношения после предательства старшего брата младшим. На сердце одетого в серую шинель Бориса, помыслы которого направлены на спасение ближнего, легко и светло, несмотря на тяжкую участь, его постигшую. Послание, полученное арестованным юношей от невесты, проникнуто верой в то, что они ещё будут счастливы. На сердце же младшего сына Сергея Борисовича и Татьяны Владимировны, напротив, невыносимо тягостно, его беспрестанно терзают угрызения совести. Даже роскошь горбатовского дома не в силах вернуть статному гвардейскому офицеру в блестящем мундире душевное равновесие.

И по убеждению философа, и по мнению романиста, счастье заключается не в радостях телесной жизни и материальных благах, а в душевном спокойствии и чистой совести.

Всё вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что художественная историософия В. Соловьёва выстраивалась постепенно. Романист отталкивался от основных постулатов выдающихся историков, философов и писателей как современной ему, так и предшествующих эпох. В вопросе, касающемся эволюции и революции как противоположных друг другу путей развития общества,

решающее влияние на позицию романиста оказали С.М. Соловьёв, Н.М. Карамзин и В. Скотт. Рассмотрению В.С. Соловьёвым проводимых монархом реформ в качестве возможной альтернативы революции во многом способствовали убеждения отца-историка. Проблема роли личности в истории была решена писателем сквозь призму историософских взглядов Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского и Т. Карлейля. Воззрения писателя на роль народа в истории прямо противоположны таковым В. Скотта и Л.Н. Толстого. В формировании отношения прозаика к Западу как ориентиру исторического развития империи определяющим стало воздействие К.Н. Леонтьева и других славянофилов, к Востоку – представителей философии индуизма и буддизма. Морально-этическая составляющая историософской концепции В. Соловьёва, а именно тезисы о счастье и двойственности мира и человеческой природы, имеют своим источником философию Г.С. Сковороды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дмитриев С.С. Соловьёв – человек, историк. *Соловьёв С. М. Чтения и рассказы по истории России*. Москва : Правда, 1989. С. 5–22.
2. Калашникова С.М. «Красное колесо» А.И. Солженицына в контексте русской историософской прозы : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Волгоград. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2009. 21 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. Москва : Мысль, 1987–1990. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5 / послесл. и коммент. В.А. Александрова, В.Г. Зиминой. 1989. 477 с.
4. Письма К.Н. Леонтьева к В.С. Соловьёву (1877–1886). *Самопознание. Информационный бюллетень Форума «Бердяевские чтения»* / публ., вступ. ст. и коммент. А.П. Козырева. 2015. № 3. С. 45–61.
5. Сахаров А.Н. Возвращение Всеволода Соловьёва. *Соловьёв В.С. Капитан гренадёрской роты; Касимовская невеста* : романы. Москва : Детская литература, 1991. С. 5–20.
6. Сахаров А.Н. Историческая сага Всеволода Соловьёва. *Вопросы истории*. 2003. № 9. С. 74–107.
7. Сковорода Г.С. Сочинения : в 2 т. / сост., пер. и обр. И.В. Иванько, М.В. Кашубы; вступ. ст. И.В. Иванько, В.И. Шинкарука. Москва : Мысль, 1973. Т. 1. 511 с.
8. Соловьёв В. Собр. сочинений : в 9 т. Москва : ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. 4: Хроника четырёх поколений: Вольтерьянец: исторический роман. 448 с.
9. Соловьёв С.М. Наблюдения над исторической жизнью народов. Москва :Издательство «Астрель», Издательство «АСТ», 2003. 511 с.
10. Цимбаев Н.И. Сергей Соловьёв. Москва : Молодая гвардия, 1990. 368 с.

О. С. Карпіна. Концептуальні джерела й основні положення художньої історіософії Всеволода Соловйова (на матеріалі пенталогії «Хроніка чотирьох поколінь»). – *Стаття*.

Анотація. Стаття присвячена розгляду концептуальних джерел та основних положень художньої історіософії В.С. Соловйова. Автор доходить висновку про те, що становлення історіософської концепції романіста відбувалося під впливом поглядів С.М. Соловйова, М.М. Карамзіна, В.Й. Ключевського, К.М. Леонтьєва, Т. Карлейля, В. Скотта, Л.М. Толстого, Г.С. Сковороди, а також представників східної філософії. Підкреслюється зв'язок переконань белетриста з російською історіософською традицією. З'ясовується його ставлення до таких історіософських проблем, як еволюція та революція як протилежні один одному шляхи розвитку суспільства, реформи як можлива альтернатива революції, роль особистості та народу в історії, Захід і Схід як орієнтири історичного розвитку Російської імперії, щастя, дуалізм світу та людини.

Ключові слова: художня історіософія, пенталогія, сімейна хроніка, жанр, історичний роман, концептуальне джерело.

E. Karpina. Conceptual sources and the main theses of Vsevolod Solovyov's artistic historiosophy (on the material of the pentalogy "The Chronicle of Four Generations"). – *Article*.

Summary. The article is dedicated to the consideration of the conceptual sources and the main theses of V.S. Solovyov's artistic historiosophy. The author comes to the conclusion that the formation of the novelist's historiosophical conception was influenced by the views of S.M. Solovyov, N.M. Karamzin, V.O. Klyuchevsky, K.N. Leontyev, T. Carlyle, W. Scott, L.N. Tolstoy, G.S. Skovoroda, as well as the representatives of the Eastern philosophy. The connection of the fiction writer's beliefs with the Russian historiosophical tradition is emphasized. His attitude to such historiosophical problems as evolution and revolution as the opposing ways of the society development, reforms as the possible alternative to the revolution, the role of the individual and people in history, West and East as the reference points of the historical development of the Russian Empire, happiness, dualism of the world and the human being is found out.

Key words: artistic historiosophy, pentalogy, family chronicle, genre, historical novel, conceptual source.